

Кривоуская Наталья
Леонидовна
Моск. Кансаманец. - 2003 - 26 нояб. - с. 7.

ЮБИЛЕЙ

ГЕНАДИЙ АБРАМЕНКО

100 КИЛОГРАММ

Наталья Крачковская: "Я как яблочко — ни одной морщинки"

— Не то что пытались — перепробовала все на свете, разве что чуткие шарики не глотала. Бессолевая диета, творожная... Что там еще. Одно время ела только гречку, попробовала диету с луковым супом...

— А зачем вам?

— Ну, во-первых, модно (кокетливо улыбается). Когда я видела стройных женщин, которые позволяют себе юбки по... м-м-м... (проводит рукой по бедру). Я-то никогда себе этого не позволяла. Ну как же — женщина есть женщина. А у нас стадное чувство развито чуть побольше, чем у мужчин. И я худела, но... через некоторое время набирала вдвое больше. Это как мама говорила: "Ну все, наша на диете". День голодаю, другой. Естественно, у меня портилось настроение — начинала ссориться с домашними. А к концу третьего дня я тихонечко ночью открывала холодильник, наедалась и ложилась спать. Счастливая! И в конце концов поняла, что меня эта игра не приведет ни к чему хорошему. Сейчас вот немножко надо похудеть. Потому что возраст, и ножки немножко устали. А так мне не мешает. Даже наоборот.

Помню, во время съемок в "Иване Васильевиче" я заболела и похудела аж на 20 килограммов. Так из-за этого остановили съемки: все платье повисли на мне самым жалким образом. Леонид Гайдай строго сказал: "Так, Наташа, срочно на диету: с утра — манная каша со взбитыми сливками, в обед — макароны с сыром, на ужин — оладьи с медом. Через неделю вернетесь".

— А муж не пытался вас посадить на жесткую диету?

— Никогда в жизни. Какая есть, я всегда была для него самая красивая. Однажды мне его друзья рассказали, на просмотре нового фильма с Софи Лорен, когда все восхищались итальянской актрисой — ах какая красивая, ах какая стройная... Володя сказал: "А моя Наташка лучше". (Смеется.)

— 15 лет назад его не стало. Тяжело перенесли потерю мужа?

— Для меня это трагедия до сих пор. Хотя Володя был и намного старше меня, честное слово, я никогда не ощущала разницы в возрасте. Когда он заболел, знаете, первый момент я даже не поверила, что все настолько серьезно. Это потом уже забила во все колокола, сутками сидела у него в реанимации. И вроде обошлось... Смерть его стала для меня полной неожиданностью. Он ехал на работу, присел на лавочку перед "Мосфильмом" и умер... А я в это время была на съемках. Приехала домой, мне сын сказал: "Мама, папы нет"... Давайте не будем об этом. Понимаете, на моем пути и сейчас встречаются мужчины, я всегда сравниваю с ним — все они проигрывают.

— А что в них не так?

— Не знаю. Наверное, в них не хватает той чистоты, того трепета, порядочности... Я могу до бесконечности перечислять все качества Володи. А идти на худшее, зная лучшее... Давайте все-таки сменим тему.

■ ■ ■

— Давайте. Наталья Леонидовна, вот я где-то читал, что у вас 6-метровая кухня. Сейчас...

— Все то же самое. 2-комнатная квартира — всего 26 метров, коридор — 1,5, кухня — 6.

"Природа одарила ее щедро. Тут было все: арбузные груди, краткий, но выразительный нос, расписные щеки, мощный затылок и необозримые зады..." Такой ее запомнили и полюбили. Незабываемая мадам Грицацуева, а в миру народная артистка России Наталья Крачковская, конечно, самая заметная личность нашего кино. В смысле, не заметьте ее невозможно. Одно ее появление на экране вызывает улыбку. И не только из-за выдающихся форм актрисы. Настоящий комедийный самородок, откопанный в свое время самим Гайдаем, она и сегодня, только-только отметив 65-летие, потрясает своим искрящимся жизнелюбием и оптимизмом. Хотя, казалось бы, именно сейчас Наталье Леонидовне должно быть не до смеха. Уж сколько за последнее время на Крачковскую вылилось грязи из-за скандала с актерской школой, носящей ее имя. Непрекращающаяся травля довела актрису до предынфарктного состояния, заставила бросить собственное детище, но улыбаться не отучила.

Мадам Грицацуева и...

С сыном Василием 1964 год.

— То есть актерская школа Натальи Крачковской, на которую сейчас вылилось столько грязи, вам денег не принесла?

— Нет. Я не имею права выдавать коммерческую тайну, но если вы узнаете, сколько я там получала, — будете смеяться. Я бы за это время, что отдала школе, наверное, заработала бы значительно больше. Вот и считайте.

— Не пожалели, что со всем этим связались?

— А я уже развязалась. Школы Натальи Крачковской больше не существует — теперь у нее другое название. Могу только сказать, что школа создавалась исключительно с благой целью — обучать детей. Классы были по пять-шесть человек, с ребятами занимались педагоги — все с высшим образованием и правом преподавания. Это была единственная среди подобных школ, которая имела лицензию. И вы не представляете, с каким упоением занимались дети. И самое главное: ведь многие хотят быть актерами. Приходили 16—18-летние мальчики и девочки. Я их сразу предупреждала, что профессия наша очень зависимая и сложная. Давайте, говорю, посмотрим — вы занимаетесь, а потом на экзамене я вам честно скажу: есть данные — будем работать, нет — значит, нет. И реверансов никому не делала. А чаще всего говорила: "Нет, девочка, у тебя нет данных. Не морочь себе и нам голову, не трать деньги". Она же смотрит на меня, верит, ловит каждое слово. И разрушать ее судьбу — зачем мне это нужно.

— Но ведь любое коммерческое предприятие нацелено на то, чтобы получать прибыль. Разве ваши деловые партнеры не наускивали, как и что вам нужно говорить?

— Что вы, я бы тогда сразу ушла. Нет, я оценивала только данные ребят. Никакого отношения к трудоустойчивости и тем более к деньгам я не имела. Даже не знала об этом. В этом плане совесть моя чиста.

— Получается, вы были сватедным генералом?

— Ну конечно, у этого и не скрываю. Единственное, могу сказать, что от этого прессинга журналистского, простите, я устала. И считаю, что с их стороны это просто неприлично. Ведь даже в самой школе было написано: Наталья Крачковская — художественный руководитель. Я не дире-

ктор, к коммерции никакого отношения не имела. А пишу, что, дескать, она зарабатывает на детях миллионы. Как им только совесть позволила такое сочинять?! Видишь ли, им захотелось каких-то жареных фактов. Но если вы немолдую женщину, вдову начинаете оскорблять на всю страну... А кто за меня заступится? Кому это надо?

— Как к скандалу отнеслись ваши коллеги? У них не изменилось отношение к вам?

— Что вы? Они сказали: "Наташа, плюнь. Это желтая пресса". А Касаткина Людмила Ивановна как-то подошла ко мне, говорит: "Наташенька, ты не выдержишь, ты уйдешь оттуда". И вот четвертый месяц, как я действительно ушла.

— Все-таки молва оказалась сильнее вас?

— Нет, не сильнее. Все дело в том, что у меня нелады со здоровьем. Я так за последнее время перенервничала, что дело дошло до предынфарктного состояния. Потом еще два гипертонических криза — я просто не имела права продолжать бороться. Извините, я еще пожить хочу.

— А доброе имя актрисы Натальи Крачковской, как считаете, сильно пострадало?

— Не знаю. Мои говорят: нет. Ко мне постоянно подходят люди, утешают: "Наталья Леонидовна, мы не верим всему этому. Как им только не стыдно про вас такое писать". Но мне все равно больно и обидно. И рана на сердце заживает еще не скоро.

■ ■ ■

— Вы ощущаете себя красивой женщиной?

— Да, конечно. Пусть кто-то скажет, что это не так... Да нет, я отношусь к себе достаточно трезво. Знаю, что не красавица, но чертовски мила. Как говорила Раневская.

— Вот вы сказали "кто поесмет". Говорят: если что — рука у вас тяжелая.

— Да, могу заняться и рукоприкладством.

— Серьезно? Приходилось?

— А как же. Во всяком случае, людей ставить на место я умею. В основном, конечно, словами. Но порой и словами так отбреешь, что лучше и не надо.

— То есть с вами лучше не связываться?

— Не надо со мной связываться. Я сама на рожон никогда не лезу, но ответить могу.

— Может, случай какой припомните, чтобы не быть голословной?

— А-а-а... (Начинает хохотать после паузы.) На каком-то вечере одна известная актриса, проходя мимо, слегка меня задела и в сердцах бросила: "Вот встанет тут — не пройдешь". А зато меня мужчины любят", — отвечаю с милой улыбкой.

— И всего-то?

— А в это время как раз ее бросил муж. Я это знала. (Смеется.) И все — удар под дых. А не надо гадостей говорить — можно получить в ответ. Но я бы не сказала, что у меня много недругов — завистники есть, конечно.

— А чему они завидуют?

— Чему? Моему хорошему характеру!

— И скромности, да?

— Да. Жизнь у меня тоже нелегкая, никаких ценностей особых нет, человек я небогатый. Но у меня есть одна хорошая черта — я умею радоваться тому, что есть. Вот, например, нет подарка. Я сама себе сделаю подарок: пошла какие-то невероятные носки себе купила — господи, какое счастье! Может, и глупость, но я доставила себе положительные эмоции.

— Я читал, что вы снимались для какого-то эротического журнала. Это что, тоже из разряда маленьких женских радостей?

— Не было такого, это все придумал Садальский. Он вообще мастер на такие пошлые и мерзкие придумки. В одной картине мы снимали сцену в бане. Я была замотана в простыню, и после съемки один молодой человек, культурист, проводил меня до двери — сколько же. И тут же сделал репортаж, что это, мол, мой молодой человек, поместили фотографию — очень неприятная ситуация. Нет, у меня была только одна не-сколько фривольная фотография, где я в норковом манто... а под ним как будто ничего нет.

— А на самом деле?

— Ну естественно, есть. Я понимаю, что раздеться может себе позволить женщина, которая обладает идеальной фигурой. Чтобы это было вкусно, чтобы глаз радовалось. А если у тебя есть недостатки — лучше их не показывать.

— Что еще приходится скрывать? Имею в виду уже недостатки характера?

— Сказать честно: ленивая иногда бываю. Очень ленивая. Могу, извините, дня три не влезать из кровати и ничего не делать. Иногда плюну на все: господи, да пропади все пропадом. Читаю, треплюсь по телефону... Ну что еще? Вкусно ем. И при этом замечательно себя чувствую.

— Вашему сыну Василию, который пошел по папиным стопам и стал довольно известным звукорежиссером, уже сорок... Ой, извините. Наверное, невежливо напоминать даме возраст ее детей.

— Я не боюсь называть свой возраст. Знаете почему? Потому что я хорошо выгляжу. (Хохочет.) Я как яблочко — ни одной морщинки. Полная ведь женщина — кожа натянута.

— Мне кажется, вашему внуку Володе крупно повезло. Вы, наверное, замечательная бабушка?

— Я обожаю своего внука. Во-первых, он очень хорош внешне. Но я вам могу сказать... что он такой стервец. Причем при всей его ангельской внешности — чисто мужской характер. У Володи волосы как проволока, и такой же жесткий характер. Звоню ему, он: "Да... Да... Что? Ну говори быстрее, что тебе нужно, у меня времени мало". Вот так со мной разговаривает: конкретно, четко. Чтобы не расплывался по древу. Он меня не балует... А так — удивительный мальчишка. Любит читать, а ведь это сейчас такая большая редкость. А потом у него отличный слог: он хорошо говорит, прекрасно читает стихи...

— Будущий актер?

— Не знаю, кем он станет. Готовить его к этому я не буду. Пускай сам выберет себе профессию. Но если захочет стать актером — помогу, конечно.

— В наше время, может, и нехорошее слово, выгодно быть актером?

— Нет. Быть хорошим актером — значит, не станешь хвататься за все предложения. А не будешь хвататься — останешься без денег.

— Вы сейчас хватаетесь?

— Хватаюсь, но не всегда. Все-таки, извините, я уже пожилой человек, не будем лукавить. А на эту нищенскую пенсию даже умереть толком нельзя. А мне еще хочется побаловать своего внука, поездить по миру. Мне еще всего хочется, понимаете...

Дмитрий МЕЛЬМАН.